

ВОЗРАСТ И ВРЕМЯ**

В статье рассматривается возраст как темпоральное измерение человеческого существования. Существо возраста усматривается в соединении временности как бытийного устройства человека с открытой ему конечностью жизни. Показано, что возрастная структура жизни обусловлена конфигурацией временных горизонтов над-ситуативного (биографического) времени.

Ключевые слова: возраст, время, герменевтическая феноменология, ситуативное время, надситуативное время, временная протяженность, возрастное время, возрастная расположенность.

S. A. Lishaev
Age and time

Abstract: The article regards age as a temporal dimension of human existence. The essence of age is observed in the combination of a temporality as the ontological order of man and an openness to him of the finiteness of life. It is shown that the age structure is stipulated by the configuration of time horizons of oversituational (biographical) time.

Keywords: age, time, hermeneutic phenomenology, situational time, oversituational time, time extent, age time, age disposition.

Предварительные замечания. В философских работах, посвященных проблематике возраста, внимание фокусируется на анализе отдельных возрастов и на проблемах возрастной динамики. При этом понятие *возраста как такового* остается непроработанным. Согласиться с таким положением нельзя, хотя понять его можно. Философия возраста как особое направление исследований только формируется, и обобщающих трудов по данной про-

---

* Лишаев Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия», СаГА, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва (Национальный исследовательский университет), СГАУ

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00705.

блематике немного. Наиболее развернутые исследования принадлежат В. Красикову и Е. Косиловой; краткий проект философии возраста был предложен также Михаилом Эпштейном [См.: 3, 2, 7]. Однако понятие «возраст» этими авторами специально не рассматривается. Разработка феноменального поля философии возраста доминирует над осмыслением ее концептуальных оснований. Но развитие данной области философских исследований невозможно без подведения под эти исследования серьезного концептуального фундамента. Начать эту работу необходимо с анализа центрального для новой дисциплины понятия «возраст». И хотя изучение возраста «как такового» немыслимо без учета его дискретных модусов, верно и обратное: анализ возрастов невозможен без использования понятия «возраст». Все дело в расстановке акцентов. *О возрастах* мы будем говорить в той мере, в какой это необходимо для раскрытия смыслового содержания понятия «возраст».

Вариативность подходов к изучению возраста. Философское исследование возраста может осуществляться с разных позиций. Его можно рассматривать *в перспективе социальной философии*, и тогда на первый план выйдут особенности социального взаимодействия людей в той мере, в какой оно зависит от их принадлежности к тем или иным возрастным когортам. В этом случае в центре внимания окажутся вопросы, связанные с анализом социального поведения разных возрастных групп, с изучением межпоколенческой коммуникации и межпоколенческих конфликтов.

Иной подход к анализу возраста определяется выдвиганием *на первый план проблемы пайдеи*. В этом случае изучение возраста будет фокусироваться на взрослении, *на переходе от детства к взрослости и от зрелости к старости* (на подготовке к старости). В современной философии возраста (тем более, в психологии и социологии возраста), основное внимание уделяется переходу от детства к взрослости. В исследовании Елены Косиловой [2] рассматривается вопрос об условиях, критериях и движущих силах такого перехода. Ее интересует процесс взросления в двух его аспектах: экзистенциальном (смена потребительского отношения к «среде» на ответственное отношение взрослого) и познавательном (переход от «гносеологического эгоизма» к взрослому типу познавательной установки, которая определяется нацеленностью на истину, а не на адаптацию).

Возможен и третий подход, который будет доминировать в том случае, если философия возраста конституируется в рамках экзистенциально-феноменологической традиции. В нем возраста рассматриваются *через экспликацию временных параметров экзистирования*. Попытка исследовать возраст в данной (темпорально-экзистенциальной) перспективе предпринята В. И. Красиковым, рассматривающим молодость, зрелость и старость через осмысление характера их соотношения с прошлым, настоящим и будущим. Экзистенциальный анализ возраста Красиков осуществляет в традиции экзистенциальной философии, но не экзистенциальной аналитики. В центре его внимания находится «синдром существования», определяемый тем, что человек — это существо, полагающее смыслы, ищущее существования. Осмысление собственного существования определяется, по Красикову, темпоральным режимом сознания (воображением, памятью) и связанной с памятью рефлексией и имеет возраст-

ную структуру. Давая подробную характеристику трем возрастам (молодости, зрелости и старости), Красиков касается и вопроса о соотношении возраста и времени [см. 3, с. 10–18].

В рамках третьего подхода будет строиться и наше исследование. *Возраст мы будем рассматривать как темпоральную характеристику жизни.* Приоритетность времени в понимании возраста определяется, в частности, его языковым предпониманием. Если суммировать все семантические аспекты этого термина, мы получим возраст как характеристику жизни в ее *временном измерении*. Словарное толкование возраста указывает на *темпоральную структуру* жизни (на ее периодичность, ступенчатость), *длительность* (количество прожитых лет) и *направленность к концу* (возрастная динамика ограничена рождением и смертью). Последняя характеристика содержится в языковом понимании возраста имплицитно. Помнить о возрасте, значит помнить о смерти.

Методологическим горизонтом нашего исследования будет герменевтическая феноменология. Последнее обстоятельство требует остановиться на экзистенциальной аналитике темпоральности (временности) Присутствия, чтобы подготовить переход к анализу возраста.

Временность в герменевтической феноменологии. Фактичность жизни в ее возрастном аспекте определяется темпоральностью экзистенции. Если бы человек не был *временным* сущим, он не имел бы возраста. Быть в мире и быть в нем «какое-то время» способен лишь тот, кто существует не «в себе», а «вне себя», кто, благодаря этому, встречает (открывает) сущее в его ограниченности, конечности, несамостоятельности, включенности в тройственный горизонт будущего-настоящего-прошлого, кто знает о своей временности, а стало быть — о своем возрасте.

Темпоральность экзистенциального устройства человека означает, что он находит себя в единстве трех моментов времени: прошлого (бывшего), настоящего (актуального) и будущего (настающего). Все три временных измерения (которые в «Бытии и времени» именуется «экстазисами») включены в определение структуры экзистенции: бытие-в-мире — это вперед-себя-уже-бытие-в-мире-при-внутримирно-встречном-сущем.

Человек — это набросок себя (*вперед-себя-бытие, будущее*); он тот, кто всякий раз имеет дело с внутримирно-встречным сущим (*бытие-при-внутримирно-встречном-сущем, настоящее*), и тот, кто экзистирует, исходя из своей изначальной соотнесенности с миром (*уже-бытие-в-мире, прошлое*).

Три временных момента равноисходны. Хайдеггер подчеркивает континуальность времени: «Только по отношению к теперь мы схватываем «потом» и «некогда», «раньше» и «позже»» [6, с. 326]. «Приуроченность» (к теперь) — одна из исходных структур времени. Вторая структура — это «значимость». «Время, которое нам всегда уже дано, поскольку мы его себе отводим и берем в расчет, имеет характер «времени-для-того-чтобы» [6, с. 340]. «Теперь» «текущей повседневности», всегда соотнесенное с «позже» и «раньше» — это значимое «теперь», в котором обнаруживается *забота* как экзистенциал бытия-в-мире. Повседневное теперь — никогда не теперь, оно всегда соотнесено с тем, что было и тем, что будет, оно не само в себе, оно не для себя, оно «для того, чтобы».

Темпоральность Dasein — это темпоральность, о которой можно сказать, что она «всегда наша»; это темпоральность, в которой обнаруживается направленность и конечность бытия-в-мире. Dasein («мы сами») раскрывается темпорально (по ходу экзистирования и временения). При этом во вне-себя-бытии как временном бытии раскрывается *бытие как таковое* (Бытие с заглавной буквы, бытие-вообще). Во всяком случае, таково наше толкование бытия-в-мире. *Вне-себя-бытие* (человек, Dasein) основано в Бытии как имманентной трансцендентности. Человек потому бытие-в-мире, что в нем и через него есть Бытие. Бытие как Другое сущему (трансцендентное ему) находится (имеет место) в человеке. Человек, благодаря его выдвинутости в Ничто [5, с. 24], а мы бы сказали — в Другое, существует способом присутствиеразмерного сущего.

Человек как бытие-в-мире раскрыт в прошлое, настоящее и будущее. «Если Dasein нет, то его и не было; но если Dasein не будет, то его не было и нет» [1, с. 35]. Судьба человека свершается временно, быть для него — значит быть временным, знающим о направленности своей жизни к концу и подчиненным в своем существовании *императиву смысла*.

Человек экзистирует (трансцендирует), набрасывая себя на сущее, его бытие имеет характер перехода. Переходность раскрывается в понимании временности сущего. Dasein временно, потому что оно вне-себя. Вне себя оно потому, что причастно Другому. Набрасывание — это трансцендирование в одном из трех направлений (горизонтов) времени. Dasein *временит себя* (набрасывает себя) или к наступающему, или к присутствующему в настоящем, или к бышему, не нарушая при этом «экстатически-горизонтального единства временности».

«Поскольку исходное время как временность делает возможным бытийное устройство Dasein, и это сущее (Dasein) *есть* таким образом, что оно себя временит, именно это сущее, относящееся к бытийному роду экзистирующего Dasein, должно быть исходно и соразмерно [с его сутью] названо *временным сущим как таковым*» [6, с. 354].

Сознание темпоральной-возрастной неоднородности сущего имеет своим условием временной характер Присутствия как вне-себя-бытия.

От экзистенциальной аналитики временности к философии возраста. Для герменевтической феноменологии человек — это сущее, существование которого имеет темпоральную структуру и укоренено в изначальном (экзистенциальном) времени. Исходное время размыкает сущее на временной характер его существования, включая сюда и существование Присутствия как *живого существа*. Темпоральность в трактовке Хайдеггера — это экзистенциальная структура присутствиеразмерного сущего. *Как именно* реализуется трансцендентальная временность, когда мы имеем дело не с присутствиеразмерным сущим, а со старцем, ребенком, женщиной, мужчиной и т. д., остается вне поля зрения экзистенциальной аналитики.

Однако если от фундаментальной онтологии перейти к вопросам *философской антропологии как региональной онтологии* [см. 4], то обойти вниманием пол и возраст человека, его принадлежность к определенной культуре и т. д., невозможно. Антропология рассматривает человеческую *жизнь*, исходя из экзистенциального устройства Присутствия, и учитывая те поправки, которые

вносятся в экзистирование онтической изменчивостью тела. Ее интерес будет сфокусирован, в частности, на коррективах, которые вносят в темпоральность «человека вообще» хроно-характеристики *определенного человека*, именуемые также его возрастными характеристиками. В ходе осмысления возраста, необходимо удерживать связь, существующую между темпоральностью как способом быть (экзистенциальным временем) и темпоральным статусом тела (временем сущего).

Ситуативное и надситуативное время. Первым шагом в исследовании возраста должно быть разграничение *уровней реализации темпоральности* как структуры экзистенции. Разноуровневость временения — это ключ к пониманию возрастов как *особых модусов* экзистирования, как возрастных расположений вот-бытия.

Для понимания возрастной структуры жизни следует различать, как минимум, два уровня временения: **ситуативный** (который можно определить как временение «малого радиуса действия») и **надситуативный**. В актах трансцендирования второго уровня тесные рамки текущей ситуации оказываются преодоленными и человек вписывает свое существование в *большое время своей жизни* и, далее, в *трансперсональное время истории*. (Тему исторического времени мы здесь не рассматриваем, сосредоточив внимание на персональном надситуативном (авто-биографическом) времени).

Понятие «ситуация» удерживает фундаментальную для человека фактичность экзистенции. Человек существует не «вообще», но «в частности»; он всегда брошен в круговорот сущего, всегда находится в конкретной ситуации, всегда связан с определенными обстоятельством и обязательствами и вынужден с ними сообразовываться. Ситуативность имеет темпоральную структуру. Вызов, который исходит из ситуации, имеет форму «темпорального вызова» (ситуация, в которой мы пребываем, к чему-то нас подталкивает, побуждает что-то вспомнить и т. д.). Жизнь дергает «за рукав»: звенит будильник — скорее просыпайся, пора на работу (на работе тебя ждет отчет, который вчера ты отложил «на завтра»); ставишь ногу на порог и слышишь напутствие заботливой супруги: «Танцы в шесть, не забудь отвести Машу!».

Конкретности и настоятельности текущей ситуации соответствует небольшая протяженность (глубина) соответствующих ей временных горизонтов. Это время с «коротким дыханием». Оно быстро «выдыхается» и сменяется новым ситуативно-временным раскладом. Поясним сказанное на примере.

Неприятный разговор с начальством, случившийся на прошлой неделе, не идет из головы, беспокоит. Это ситуативное (воздействующее на мое поведение здесь и теперь и на ближайшее будущее) прошлое, связанное с настоящим и ближайшим будущим. Оно сказывается на настроении, на том, что я избегаю встречи с руководителем, хотя у меня к нему есть рабочие вопросы. Вероятно, я постараюсь не попадаться ему на глаза и завтра (ситуативное будущее). Но «неприятность» — лишь маленький эпизод. Через какое-то время она, отстоявшись в «рабочем прошлом», забудется, так и не став единицей хранения в долговременной памяти. (Однако в том случае, если «неприятность» завершилась увольнением, она, скорее всего, войдет в мое биографическое прошлое («После того злополучного разговора все у меня пошло напереко-

сяк... Пришлось уйти с работы. Долго не мог никуда устроиться, начались неприятности дома...»).

Ситуативное время, как было сказано выше, неустойчиво и всегда находится в подвижном состоянии. Время ее распада невелико. Даже если мы ничего не сделали для ее разрешения, она все равно разрешается, в том смысле, что проходит («все, проехали, после драки кулаками не машут»). По мере разрешения текущей ситуации беспокоящее «нечто» из настоящего (наступающее) становится исполняемым, а затем и разрешившимся «делом» (недавно бывшее). В определенном смысле ситуативное время в единстве трех его горизонтов всегда находится под знаком ситуативного настоящего: это то, во что я вовлечен сейчас, в чем я сейчас участвую. Ситуативное будущее сопряжено с делами дня и с ближайшим прошлым, ситуативное прошлое воздействует на мое теперь-положение и заступает в завтрашний день. Ситуативное время приурочено к «теперь» также, как надситуативное время приурочено к «последнему будущему», к концу.

От ситуативного времени следует отличать *время надситуативное (биографическое)*. Настоящее, прошлое и будущее имеют надситуативный характер, если не определяются «зlobой дня». Они пронизаны *заботой*, но свободны от ситуативной *озабоченности*. Это не значит, что между переживанием надситуативного и ситуативного времени нет связи. Ситуативная озабоченность может быть (и бывает) скользким острием надситуативной заботы, но такой она бывает не всегда. Чаще наоборот: время ситуативной озабоченности довлеет самому себе, и человек переживает чувство болезненного разрыва между надситуативным временем (жизнью в целом) и временем текущим, которое «уходит непонятно на что». Человек «длинной воли» тот, кто способен подчинить суетливую повседневность большому времени жизни, то есть не идти за стихийно складывающимися обстоятельствами и переменчивыми требованиями минуты, а создавать ситуации под реализацию отдаленных жизненных целей.

Надситуативное прошлое (так же как настоящее и будущее) имеет дело не с текущей ситуацией, а с жизнью, имеющей начало и конец и структурированной заботой. Жизнь в целом — это базовая мета-ситуация, в которую вписана наличная ситуация, она является предельным горизонтом для всех частных ситуаций, конкретизирующих фактичность (ситуативность) присутствия. Аналогичным образом и надситуативное будущее, в отличие от будущего ситуативного (планы на завтра, на неделю, на месяц), редко связана со «зlobой дня» напрямую. Чаще — это связь косвенная, опосредованная.

Человек, работающий на севере, обремененный семьей, размышляет (мечтает) об отдаленном будущем: «когда уйду на пенсию, а дети определятся, — продам тут все и куплю дом где-нибудь на берегу теплого моря!» Это пример надситуативного будущего как «другой жизни», это «будущее в мечтах и планах». Оно связано с надситуативным настоящим («живу на севере, потому что здесь работа») и прошлым («детство провел на юге — как же там хорошо!»). С текущей ситуацией такое будущее не связано, хотя и может на нее воздействовать, если, например, тот, кто мечтает о море, возьмет дополнительную работу для того, чтобы откладывать деньги на «счастливое будущее».

Большое будущее открыто для начинаний и сопряжено с биографическим прошлым («Что было в моей жизни важного? Что можно вспомнить? Как мое прошлое связано с настоящим и будущим?») и настоящим («Что такое теперь моя жизнь? Что из того, о чем мечталось, сбылось? Какое отношение имеет мое настоящее к желанному будущему? Никакого... Тогда что я здесь делаю?»). Проброс в надситуативное будущее предполагает *соотнесенность с большим прошлым и настоящим* и свидетельствует о смене регистров времени с ситуативного (тактического) на экзистенциальный (стратегический), охватывающий жизнь от альфы до омеги. В надситуативном регистре времени наше внимание смещается с текущей озабоченности ситуации на заботу об исполнении жизни. Оно фокусируется не на ситуации «в» жизни, а на жизни как ситуации.

Пробрасывая себя в отдаленное будущее и прошлое человек набрасывает *цели жизни* и проясняет ее персональные смыслы. В таком пробрасывании расположенность Присутствия (его «так есть») разворачивается до предела (до жизни как единства «так есть», «так было», «так будет») и резюмируется в выражениях следующего типа: «вот такова твоя жизнь, такой — была, а такой — *должна* быть и будет!» (это для молодости), или: «...она такова, какова есть, ее и будем жить!» (зрелость), или: «моя жизнь была вот такой, надо достойно завершить ее...» (это для старости).

А что же с надситуативным настоящим? Оно — то положение дел, которое *обеспечивает возможность текущей ситуации*, но не саму ситуацию. Когда я *делаю* или *обдумываю* (*переживаю*) нечто неотложное, настоятельное — это ситуативное настоящее. Но поскольку я нахожусь при том же самом деле (например, учусь в университете), пребываю в том же семейном положении, что и два года назад и т. д., то у меня имеется надситуативное настоящее. Специфика его в том, что оно соотносится не с ближайшим, а с биографическим прошлым и будущим. Сдавая сессию, я решаю локальную задачу, которая имеет смысл не сама по себе, а как момент в достижении цели, которую я поставил перед собой несколько лет назад, поступив в университет. Ситуативное настоящее напрямую с большими прошлым и будущим не связано, но учеба в университете как надситуативное настоящее сопряжена с ними изначально.

Различение ситуативного и надситуативного времени имеет принципиальное значение для феноменологии возраста (да и для философской антропологии в целом). Именно на уровне надситуативного времени определяются возрастные модусы человеческого существования.

Возраст и возрастное время. Темпоральная структура экзистенции остается *одной и той же* на всем протяжении жизни. Соотношение временных горизонтов, если рассматривать его на ситуативном уровне, от возрастных изменений не зависит. Но жизнь конечна. Зависимость временных направлений от возраста обнаруживается на биографическом уровне. Человек знает — хотя только примерно и гипотетически — о продолжительности своей жизни. Ориентиром ему служит ее предельная величина (не больше 70–90 лет). Имеют определенную величину (конечны, исчерпаемы) и временные горизонты человеческого существования. Если *от анализа темпорального устройства Присутствия* перейти к анализу индивидуальной жизни, то в поле нашего

зрения окажется не только временная структура экзистенции, но и различия в соотношении трех моментов времени по их размерности (величине). Будущее, прошлое и настоящее по своей величине, конечно, будут уравнены, но только «в час смертный». Пока человек жив, соотношение величины надситуативных временных горизонтов непрерывно меняется. Так надситуативное прошлое по ходу жизни (до наступления «часа смертного») увеличивается, будущее — уменьшается, а настоящее сначала возрастает, потом — убывает; с истощением персонального будущего и прошлого пересыхает и родник «теперь».

При постоянном изменении величины временных горизонтов, их соотношение внутри возрастных периодов остается стабильным. Общий баланс измерений в рамках одного возраста до поры до времени сохраняется и определяет возрастную расположенность человека, его возрастное «так есть». Относительно стабильная возрастная маркировка жизни обеспечивается длительным преобладанием одного из трех временных горизонтов над двумя другими. Возрастная расположенность определяется (за исключением детства) тем временем, которое доминирует по протяженности. Мы называем его *возрастным временем*. (Детство — тема особая. Применительно к этому не-взрослому возрасту понятие надситуативного времени не применимо. Надситуативное время в детстве еще не развернуто. Иначе говоря, детство беззаботно (не знает ответственности за большое будущее, за жизнь). В детстве темпоральная структура человеческого существования только еще намечается в ходе ситуативного исполнения ребенком временных структур речи: почки времени завязываются, набухают и ждут весны. Отсчет (разворачивание) авто-биографического (большого) времени начинается с юности. Вопрос о формировании временного сознания на надситуативном уровне требует специального рассмотрения в рамках исследования, посвященного детству.)

Смена возрастного времени обусловлена онтически, то есть связана с изменением временных параметров тела. Эти постепенно нарастающие изменения меняют баланс между хранимым (прошлое), желаемым (будущее) и исполняемым (настоящее). Переход от одного возраста к другому (для взрослого человека) обусловлен сменой временной доминанты.

В молодости содержательное наполнение жизни отнесено в будущее (воображаемое содержание), в зрелом возрасте жизнь наполняется содержанием, свершается, в старости содержание жизни — это то, что — в общем и целом — уже исполнилось и подлежит осмыслению. Наиболее протяженное время молодости — будущее, зрелости — настоящее, старости — прошлое. От временного характера возраста и должен отправляться его философский анализ.

Самое протяженное надситуативное время оказывается и временем наибольшего экзистенциального напряжения. Оно притягивает внимание и (то попеременно, одновременно) тревожит и успокаивает. С ним связано общее (фоновое) самочувствие и самосознание, к нему приковано и экзистенциально-ориентированное внимание.

Темпоральное устройство вне-себя-бытия генерирует заботу. Заботу о себе, о людях (о ближних и дальних), об окружающем мире. Темпоральность как возможность иного (в том числе — смерти) вместе с надеждой произво-

дит заботу и ее вечную спутницу тревогу. Брошенный в воздушные потоки собственных возможностей, человек должен их осмыслить, вынести по ним решение (какие-то из них принять к исполнению, а какие-то — отвергнуть) и, наконец, взяться за работу по их осуществлению (в пределе человек принимает к исполнению и наполняет содержанием свою жизнь). Человек не просто погружен в свои возможности (осуществленные, осуществляемые, еще неосуществленные, уже неосуществимые), он вынужден искать себя в том, что ему открыто теперь, здесь (настоящее), в том, что только еще предстоит (будущее), и в том, что осуществилось или не осуществилось (прошлое).

Жизнь тревожит. И не напрасно. Человек беспокоится, потому что содержательное наполнение жизни не гарантировано; он озабочен, потому что ее исполнение, с одной стороны, зависит от него, а с другой — от него не зависит (обстоятельства, крутые повороты колеса фортуны не в его власти). Окна возможностей открываются лишь на определенное время. Если ими вовремя не воспользоваться, что-то в моей жизни не исполнится... Темпоральный режим придает человеческому существованию структуру для-чего-бытия, принуждая его доискиваться осмысленности собственных действий, поскольку этот режим день за днем генерирует заботу, надежду и ностальгию.

Итак, временность — пожизненный генератор экзистенциального напряжения. Если говорить о *жизни в целом*, то первенство в генерации заботы следует отдать будущему, на границе которого от самой юности клубятся тучи и вспыхивают молнии: жизнь конечна, возможности ограничены и наступит момент, когда они будут полностью исчерпаны. Поторапливайся! Обеспеченность концом как бы реет над всеми делами и размышлениями взрослого человека (но не ребенка!). Однако *в каждом возрасте имеются и свои собственные* (принадлежащие по преимуществу данному возрасту) *генераторы экзистенциального беспокойства*. У разных возрастов разные окна возможностей, разные вызовы, надежды и тревоги. Различие в соотношении времен настраивает внимание, сосредотачивает его на специфических для возраста предметах заботы.

Переконфигурация трех экстазисов времени, обусловленная темпоральными характеристиками тела, вносит онтические коррективы в трансцендентальную аналитику временности Присутствия. Если в последней все три момента временения равноисходны, то в философской аналитике возраста *акцент должен делаться на неравнозначности временных измерений*, на их зависимости от временных параметров жизни.

Подведем итоги. Рассмотрение возраста в горизонте герменевтической феноменологии предполагает прояснение его отношения к темпоральности как экзистенциальной структуре присутствиеразмерного сущего. Темпоральность как экстагически-горизонтальное единство временности характеризует *сущее*, «которое есть мы сами», *без уточнения переменных параметров его существования*. Возраст свидетельствует об изменчивости этих параметров и конкретизирует временной характер экзистенции. Говоря о *Присутствии*, мы говорим о *временности* экзистенции, говоря о *человеческой жизни*, мы говорим о *ее возрастах*. Возраст следует рассматривать как телесно обусловленную конфигурацию вне-себя-бытия, как обнаружение фактичности человеческого присутствия.

Возрастная неоднородность жизни связана с неравенством *протяженности* неситуативных горизонтов (направлений) временения. Темпоральность Присутствия являет себя на разных уровнях: ситуативном и надситуативном. Ситуативное время имеет короткий радиус временения и подчинено текущим обстоятельствам, «требованиям дня»; надситуативное время раздвигает экстатически-горизонтальное единство прошлого-настоящего-будущего до размерности жизни как целого (до биографического прошлого, настоящего и будущего). Переконфигурация измерений надситуативного времени по их *протяженности* сопровождается изменением их экзистенциальной «весомости».

Рассмотрение возрастной структуры жизни в перспективе переконфигурации ее темпоральной организации показывает, что специфика детства состоит в неразвернутости временения до уровня надситуативного (биографического) времени, а своеобразии возрастов взрослого человека определяется по наиболее протяженному из надситуативных времен: в молодости это будущее, в зрелости — настоящее, в старости — прошлое. Таким образом, в разные моменты жизни наиболее протяженным и экзистенциально значимым является одно из трех направлений времени. Оно и определяет временную конституцию того или иного возраста и может быть названо *возрастным временем*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дёмин И. В. Философия истории как региональная онтология: монография. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2012.
2. Косилова Е. В. Философия возраста: Взаимосвязь эмоционального и познавательного взросления человека. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
3. Красиков В. И. Синдром существования. — Томск, 2002. — С. 9–126.
4. Лишаев С. А. Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная онтология // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. — 2015. — № 1 (17). — С. 33–42.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. — М.: Республика, 1993.
6. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. — СПб.: Высшая Религиозно-философская школа, 2001.
7. Эпштейн М. Н. К философии возраста: Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. — 2006. — № 4. — URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ep12.html> (дата обращения 25.08. 2015).